

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2022.83.63.023

Позиция России по мирному разрешению международных кризисов и конфликтов с 1993 года по настоящее время

Нгойе Софи Татьяна

Магистр международных отношений,
Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: sophie.ngoye.sn@gmail.com

Биаки Яо Эбен-Эзер

Магистр международных отношений,
Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: sophie.ngoye.sn@gmail.com

Аннотация

В статье внимание уделяется подходам России к дипломатии и миротворчеству в его теоретическом и практическом осмыслении. Представлен обзор устремлений России к мирному урегулированию ряда международных и региональных конфликтов начиная с 1993 г. и вплоть до настоящего времени. Рассмотрена динамика изменения внешнеполитического курса России в отношении мирных инициатив по урегулированию конфликтных ситуаций между заинтересованными акторами. Дается оценка активного участия России в событиях мирного и дипломатического посредничества при разрешении конфликтов, делается вывод о влиянии российских подходов на миротворчество в целом и на внешнее участие в операциях по поддержанию мира и безопасности. Отмечается, что современные угрозы международной безопасности актуализируют потребность международного сообщества в развитии невоенных способов разрешения конфликтов, что связано с ростом потребности в развитии мирного инструментария разрешения споров, включая практику применения данных инструментов для окончания военных действий.

Для цитирования в научных исследованиях

Нгойе С.Т., Биаки Я.Э.-Э. Позиция России по мирному разрешению международных кризисов и конфликтов с 1993 года по настоящее время // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 1А. С. 209-219. DOI: 10.34670/AR.2022.83.63.023

Ключевые слова

Россия, международный конфликт, постсоветское пространство, региональные приоритеты, миротворчество, мирное урегулирование, дипломатия, «региональный брокер», замороженный конфликт, внешняя политика.

Введение

Исторически сложилось так, что центральные принципы международного миротворчества были сформулированы западными державами в связи с их политико-идеологическим доминированием в международных институтах, включая «семью» ООН. Лишь относительно недавно, к концу XX – началу XXI в. развивающиеся державы, в том числе и Россия, начали формулировать собственную политику поддержания мира и безопасности, реализовывать ее на практике. В последней версии Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. особо подчеркивается, что в условиях современной картины мира одним из ключевых интересов, соответствующих национальным приоритетам страны, является «поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности, правовых основ международных отношений» [Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», [www](http://www.ips.gov.ru)]. Это положение можно трактовать в качестве заявления России об ее новой роли с точки зрения глобальной миротворческой силы. Из этого вытекает, что для России целью разрешения конфликтов и миротворчества является содействие нормам международного правопорядка, сохранение и укрепление местных государственных структур, чтобы они могли поддерживать правопорядок на своей территории и стабилизировать ситуацию в конфликтной стране или регионе.

Понятие «международный конфликт» в научно-исследовательской плоскости

Феномен международного конфликта выступает в качестве непосредственного конфликта (политического, вооруженного, экономического) между отдельными государствами, региональными объединениями, которые, в свою очередь, могут включать в свою систему широкий спектр конфликтов локального характера. В данном случае совокупная угроза глобальных конфликтов для международного сообщества тесно связана с угрозой для существования человечества (международного сообщества) либо несет угрозу для определенного государства, народа, этнической, культурной, религиозной группы.

Международный конфликт же, в свою очередь, может быть выражен главным образом в виде столкновения интересов двух и более сторон, под которыми подразумеваются государства, интеграционные объединения, отдельные социально-этнические группы, политические силы и т.п. В свою очередь, разрешение международного конфликта не может в полной мере осуществляться на уровне одного государства и предполагает привлечение сил (политического ресурса) со стороны международного сообщества. Разрешение международных конфликтов находится в прямой зависимости от его специфики и особенностей и может выражаться как в дипломатической работе, политическом посредничестве, так и во введении миротворческих сил, санкционной политике [Rawashdeh, Al-Majali, 2017, 3490].

Отталкиваясь от вышеизложенного, стоит предположить, что современные международные конфликты предполагают наступление негативных последствий в политическом, экономическом взаимодействии либо жизни отдельных государств, а также ряд противоречий на межнациональной, религиозной, этнической, социальной почве для сравнительно более широкого спектра международных участников.

С другой стороны, современные геополитические игроки в процессе осуществления внешнеполитической деятельности могут быть заинтересованы в достижении отдельных задач

внешней политики за счет создания очагов нестабильности между другими государствами на этнической, политической, религиозной почве, что создает объективные сложности (необходимость развития армии, увеличение экономических затрат на военный бюджет) для своих геополитических оппонентов [Кременюк, 2003]. Ярким примером в данном случае является конфликт на Востоке Украины, создающий как дестабилизацию на внутригосударственном уровне, так и объективные угрозы для региональной и международной стабильности в целом.

Рассматривая теоретические подходы к обоснованию международных конфликтов, видится целесообразным отметить позицию Т. Мансурова, по оценкам которого современные международные конфликты позиционируются в качестве хоть и негативного, но неотъемлемого компонента совокупной мировой политики, что обуславливает так называемый «открытый характер» данного понятия и, как результат, разные специфические черты, вкладываемые отдельными исследователями при формировании теоретических подходов к идентификации содержательной части указанного понятия [Нагорный Карабах добрался до Санкт-Петербурга, www].

К. Райт указывал на четыре последовательные стадии конфликта – осознание сторонами несовместимости (к примеру, наличие противоречий политического, экономического, территориального, идеологического, социально-культурного либо иного характера), рост напряженности (эскалация негативной политической риторики, провокации, политические и дипломатические скандалы, низкая эффективность политических и дипломатических рычагов урегулирования противоречий), давление без применения военной силы (санкции, политическое давление, специфическая политическая риторика, поддержка оппозиции) и открытые военные действия (военные интервенции, военные столкновения и т.п.) [Дробот, 1991, 89].

С другой стороны, сама суть международного конфликта предполагает наличие тесной и стабильной связи с международным сотрудничеством. В качестве аргумента стоит выделить тот факт, что в контексте конфликта такие глобальные концепции и категории, как «мир», «сосерцательное взаимодействие», находятся в тесной связи с ограниченной, тотальной войной – к примеру, в рамках союзнических отношений либо сотрудничества между конкурирующими государствами [Глухова, 2020, 21]. Логичность данного подхода проявляется, к примеру, в конфликте в Нагорном Карабахе и стратегическом преимуществе Азербайджана над Арменией, что стало возможным по причине длительного сотрудничества Азербайджана с Турцией – как в политической, так и в экономической, энергетической, военной сфере.

В свою очередь, несколько иной подход был сформирован А. Рапопортом, сегментировавшим международные конфликты на такие формы, как сражение (открытые военные действия), игра (доминирование рациональных соображений и региональных интересов в действиях и долгосрочной политике конкурирующих государств (к примеру, в контексте соперничества между США и РФ за постсоветское пространство, за укрепление позиций в Сирии, – характерной чертой является низкий приоритет силового сценария достижения своих целей, с учетом все факторов и обстоятельств применимо к каждому конкретному элементу противоречий) и дебаты (приоритет политических и дипломатических рычагов урегулирования ситуации, нацеленность на достижение баланса сил и интересов в решении той или иной проблемы) [Rapoport, 1974, 70-72].

По оценкам А. Глухой, современный международный конфликт может позиционироваться в качестве формы проявления противоречий между отдельными

участниками системы международных отношений, результатом чего может стать эскалация конфликта как на основе взаимных открытых действий друг против друга (не исключается использование ни одного инструмента для достижения цели) [Глухова, 2019, 18]. В целом, современный международный конфликт выступает прямым и непосредственным столкновением политических интересов двух государств, что подразумевает наличие ярко выраженного политического компонента в любом международном конфликте. Однако также важно оговориться, что международный конфликт может предполагать, но не всегда базироваться на политическом столкновении государств и, как итог, может проявляться не в качестве столкновения, а, к примеру, в процессе дипломатического урегулирования конфликта.

Роль России в мирном разрешении конфликтов: региональное и международное измерение

Региональный аспект обеспечения и поддержки безопасности, наряду с приоритетом мирного разрешения конфликтов для России, связан с важностью ключевого для страны региона – постсоветского пространства. Прежде всего, российская сторона позиционирует постсоветское пространство в качестве своей зоны традиционной и исторической ответственности. Это связано и с нахождением плеяды современных государств в составе Российской Империи и СССР, и с наличием продолжительных исторических, культурных связей, обуславливающих схожее представление о важности регионального взаимодействия, принципах мирного и гармоничного сосуществования, принципа устойчивого развития и мироустройства, что дополняется актуальными на текущий момент общими интересами государств в сфере разрешения региональных конфликтов, обеспечения безопасности, потребности в устойчивом экономическом, политическом, интеграционном взаимодействии.

Как результат, кроме исторических причин, важность постсоветского пространства для РФ связана также с такими аспектами, как необходимость поддержки русскоязычного населения, российских диаспор в государствах постсоветского пространства, экономическими и торговыми интересами, а также нацеленностью на кооперацию в сфере обеспечения безопасности, урегулирования региональных и локальных конфликтов, обеспечения естественных процессов миграции, заинтересованности в реализации образовательных, культурных, социальных программ [Штоль, 2018, 42].

А.С. Скриба констатирует, что с геополитической точки зрения вызовы для российских интересов на постсоветском пространстве стали проявляться уже в 1990-е гг. [Скриба, Алтухов, 2019, 56]. В этом кроется основной посыл российской миротворческой и дипломатической деятельности в конфликтах, перманентно возникающих на территориях бывшего СССР: «для России предпочтительна роль авторитетного посредника с традиционно используемым набором переговорных форматов» [Еремина, Каледин, Кузьмина, 2021, 160].

В частности, одним из первых испытаний для России как гаранта поддержания мира и безопасности в регионе стал процесс урегулирования грузино-абхазского конфликта (1992–1993 гг.). С самого начала переговорных процессов с 1993 г. Россия заняла лидирующую позицию мирного посредника, способствуя достижению соглашений о прекращении огня. В частности, можно говорить о том, что в период конца 90-х гг. Россия была крайне заинтересована в прекращении насилия и военных действий, содействуя соглашению по вопросу политического статуса Абхазии в рамках Грузии ввиду опасений о том, что «добившаяся независимости Абхазия могла бы создать прецедент для нестабильных северокавказских республик – особенно

Чечни» [Abkhazia: Ways Forward II, www]. К тому же видные дипломатические успехи страны в первые несколько лет независимости способствовали повышению ее международного статуса как регионального арбитра и гаранта безопасности.

При активной позиции России как инициатора переговоров по мирному урегулированию конфликта под эгидой ООН в период 1993–1994 гг. прошло несколько этапов переговоров, на каждом из которых было достигнуто небольшое соглашение, продвигавшее мирное урегулирование. В частности, на первых этапах переговорного процесса в Женеве с участием России и наблюдателей от ОБСЕ был подписан Меморандум о понимании грузинской и абхазской сторон, который подтверждал принятые сторонами обязательства неприменения силы и мирного развития переговорного процесса, а также разрешал размещение миротворческих сил в конфликтной зоне, куда в большем составе вошел российский контингент [Лавров, Болтенков, 2020]. В дальнейшем процессе переговоров Россия пролоббировала подписание обеими сторонами конфликта заявления касательно мер сугубо политического урегулирования конфликта [Заявление о мерах по политическому урегулированию Грузино-Абхазского конфликта от 4 апреля 1994 г., www]. Также именно Россия настояла на документальном закреплении безопасного возвращения перемещенных лиц и беженцев [Четырехстороннее соглашение о добровольном возвращении беженцев и перемещенных лиц от 4 апреля 1994 г., www]. Посредничество России привело к заключению Соглашения о прекращении огня и разделении сил между грузинской и абхазской стороной [Московское соглашение о прекращении огня и разъединении сил от 14 мая 1994 г., www], чем Россия, в свою очередь, продемонстрировала приверженность принципу территориальной целостности Грузии. По итогам соглашения Грузия присоединилась к СНГ и дала согласие на размещение коллективных сил безопасности Содружества в Абхазии, представленных российским военным контингентом, чьи цели заключались в поддержке режима мира и недопущения возобновления огня.

Россия также сыграла немаловажную миротворческую роль и в грузино-южноосетинском конфликте, когда весной 1992 г. грузинское руководство, по сути, спровоцировало развертывание военных действий в Южной Осетии. Именно российское руководство сумело убедить Грузию в необходимости начала мирных переговоров, и уже летом 1992 г. в Сочи было подписано соглашение о принципах урегулирования конфликта, которое предоставило Южной Осетии статус фактически самостоятельного государственного образования. В течение нескольких лет Россия активно продвигала посредничество в рамках ОБСЕ, дабы грузинская и осетинская стороны начали переговоры по мирному урегулированию, что привело к подписанию Меморандума об обеспечении безопасности и укреплении взаимодоверия весной 1996 г. [Меморандум о мерах по обеспечению безопасности и укреплению взаимного доверия между сторонами в грузино-осетинском конфликте от 16 мая 1996 г., www].

Поскольку до момента 2004 г. (с приходом власти М. Саакашвили Грузия начала новую политику по восстановлению территориальной целостности) обострений ситуации на границе с Южной Осетией также не происходило, можно констатировать успех российской дипломатии и в данном урегулировании.

Необходимо обозначить и фактор Приднестровья в российской политике миротворчества. Учитывая специфику приднестровского конфликта, его зарождение, в том числе на языковой почве, следует отметить, что на современном этапе данный конфликт является замороженным, но не урегулированным в полной мере. Здесь особо примечателен факт нахождения российских

миротворцев в Приднестровье с 1995 г., цели которых заключаются в обеспечении безопасности и недопущении возможной эскалации конфликтов в дальнейшем [Гущин, Маркедонов, www]. Однако, как показывает практика последних лет, молниеносное развитие любого «замороженного» на протяжении продолжительного периода времени конфликта видится вполне реальной проблемой (опыт Нагорного Карабаха в 2020 г.).

Как можно судить, главным проявлением миротворческой деятельности России с конца 1990-х гг. по начало 2000-х гг. стало посредничество в заключении мирных соглашений с последующим размещением своего миротворческого военного контингента в зонах конфликтов. Тем не менее, такие инициативы в большей степени привели к последующему замораживанию конфликтных ситуаций, хотя и с существенным плюсом – переводом конфликтов в Абхазии, Южной Осетии, Приднестровье из военной плоскости в политическую [Коваленко, 2011, 55].

Стоит согласиться с мнением Н.А. Комлевой, что XXI в. действия Запада существенно усугубили ситуацию с позицией России как международного гаранта мирного урегулирования. В частности, в условиях современного кризисного периода на постсоветском пространстве существующие проблемы осложняются проведением агрессивной политики в отношении РФ со стороны Запада и регулярным проведением «цветных революций» либо комбинированных с «цветными революциями» на постсоветском пространстве акций «арабской весны», это приводит к формированию очагов нестабильности в непосредственной близости от российских границ, а также наносит прямой урон экономическому и социальному развитию как РФ, так и государств, на территории которых происходят данные дестабилизирующие процессы [Комлева, 2014, 12]. Ситуация требует не столько выделения дополнительных финансовых ресурсов для обеспечения безопасности в регионе, сколько дипломатических усилий для мирного урегулирования данных конфликтов и недопущения формирования новых очагов нестабильности в других регионах мира.

С начала 2000-х гг. по сегодняшний день Россия прямо или косвенно была вовлечена в ряд международных и региональных конфликтов, преимущественно не только на постсоветском пространстве, но и на Ближнем Востоке. Несмотря на различные мотивы и причины вмешательства в конфликты, российская стратегия участия прослеживается в целом одинаковая. К примеру, в отношении противостояния Грузии, Южной Осетии и Абхазии в 2008 г., в военном конфликте на Востоке Украины, военном конфликте в Сирии и Ливии можно выделить ряд закономерностей, характеризующий роль России в урегулировании таких конфликтов. В частности, это подчеркивание ценности и необходимости коллегиального решения конфликтов на базе таких устоявшихся международных платформ и организаций, как ООН, ОБСЕ, ОДКБ и др.

Например, официальная позиция России по Сирии определяется, прежде всего, ее представлениями о необходимом миропорядке, исходя из которого применение силы должно осуществляться в первую очередь под контролем ООН, тогда как смена режимов за счет вмешательства внешних сил является неприемлемой [Манойло, 2016, 89]. На открытии юбилейной сессии ГА ООН, В.В. Путин призвал мировое сообщество создать «по-настоящему широкую международную антитеррористическую коалицию» [Полный текст и видео выступления Владимира Путина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 28 сентября 2015 г., www] при активном участии исламских стран и под непосредственной эгидой ООН для устранения катастрофических последствий революций «арабской весны».

В отношении украинского конфликта можно говорить о том, что позиция России, которая не считает себя стороной конфликта, лежит (по аналогии с грузинским и сирийским кризисом) в плоскости обеспечения стратегической и региональной безопасности. «Украинский кризис» находит свое осуждение со стороны политических элит России, что прямо характеризует позицию страны по данным вопросам – роль стороннего наблюдателя, с возможностью посредничества переговоров между Украиной и непризнанными республиками ДНР, ЛНР. С другой стороны, конфликт на Донбассе проходит в непосредственной близости от границ РФ, что создает объективные угрозы для национальной безопасности страны (в частности) и для обеспечения международной безопасности в целом. Это, в свою очередь, обуславливает две тенденции во внешнеполитической деятельности России: посредническое участие в процессе мирного урегулирования украинского кризиса (дипломатическое взаимодействие на базе Минских договоренностей, которые, правда, Украина, в отличие от России, исполнять не намерена) и необходимость стратегического укрепления национальной безопасности (повышение численности войск в приграничных районах, особый мониторинг ситуации на Востоке Украины, необходимость осуществления гуманитарных миссий и т.д.).

В этом контексте немаловажным примером роли России как гаранта мирного разрешения конфликтных ситуаций стала ее «дипломатическая победа» в обострении ситуации в Нагорном Карабахе 2020 г. Так называемая «заморозка конфликта» с 1990-х гг. обуславливала тенденции, к которым можно отнести и перманентные напряженности в армяно-азербайджанских отношениях, и сохранение количества инцидентов в Нагорном Карабахе (нарушение режима приращения огня в период 1994–2014 гг., сохранение перемирия при сохранении напряженности), что способствует идентификации начала XXI в. как нового этапа в истории конфликта. Россия сохраняет центральную роль в нагорно-карабахском конфликте, что в определенной степени обусловлено стремлением купировать риски возобновления боевых действий в зоне конфликта, а также стремлением сохранения и укрепления роли «регионального брокера» [Waal, 2021]. Так или иначе, но Москва всегда выступает за мирный формат урегулирования проблемы, чем продиктованы активные инициативы по урегулированию военного конфликта с 2016 г.

В апреле 2016 г. в Москве прошли переговоры на уровне глав Генеральных штабов ВС Армении и Азербайджана, по итогам которых стороны достигли хрупкого соглашения о прекращении огня и стабилизации ситуации [Abushov, 2018, p. 77]. В дальнейшем, во время встречи глав РФ, Армении и Азербайджана 20 июня 2016 г., было опубликовано Трехстороннее заявление, в котором отмечалась нацеленность сторон на нормализацию обстановки в Нагорном Карабахе [Нагорный Карабах добрался до Санкт-Петербурга, 2016]. Итогом российских устремлений обеспечить полноценное миротворческое урегулирование в формате треугольника «Азербайджан – Армения – Россия» стало трехстороннее заявление «О прекращении огня» от 10 ноября 2020 г., предусматривающее сохранение за Азербайджаном территориальных приобретений (г. Шуши, отдельные районы) и ввод российских миротворцев [Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации от 10 ноября 2020 г., www].

Стоит полагать, что вышеизложенное ситуативно повторяет опыт Приднестровья (1992 г.), конфликт в котором был обусловлен доминирующими позициями Молдовы, поддержкой Молдовы со стороны Румынии (по аналогии с Азербайджаном и Турцией) и невозможностью РФ в оперативные сроки отреагировать на данный конфликт по причине вовлеченности во

внутренние проблемы, связанные с необходимостью восстановления экономики, налаживанием цепочек и связей по итогам распада СССР и развитием отношений с бывшими советскими республиками. Тем не менее, даже с учетом вовлеченности России в другие процессы, российская сторона сумела взять ситуацию в Приднестровье под контроль и обеспечить, с учетом миротворческих сил, безопасность данного региона. Данный опыт, в свою очередь, было решено успешно продублировать и в рамках условий современности (вовлечение всех конфликтующих и заинтересованных сторон в переговорный процесс, участие миротворцев, активная посредническая роль для разрешения конфликта).

Заключение

Резюмируя, можно говорить о том, что современные угрозы международной безопасности актуализируют потребность международного сообщества в развитии невоенных способов разрешения конфликтов, что связано с ростом потребности в развитии мирного инструментария разрешения споров, включая практику применения данных инструментов для окончания военных действий.

На текущий момент практика участия России в мирном урегулировании международных конфликтов демонстрирует, что переговоры, равно как и любые мирные инструменты разрешения споров как способа прекращения боевых действий, являются многоплановым, длительным процессом, предполагающим участие, кроме сторон спора либо конфликта, также и третьих государств и международных структур, а также адаптации текущего уровня знаний и опыта разрешения конфликтов в отношении каждого конкретного конфликта (повышение гибкости предпринимаемых мер, поиск приемлемых вариантов, формирование и соблюдение договоренностей).

В случае успешной реализации своих личных миротворческих программ Россия может позиционировать себя в качестве своеобразной альтернативной силы не только в отношении многонациональных коалиций Запада, но и миротворческих миссий международных и региональных организаций. Это также дает России возможность позиционировать свои устремления в качестве альтернативных вариаций построения нового мирового порядка в делах урегулирования международных конфликтов исключительно мирным путем. И, как показывают события последних лет, современная Россия имеет собственный потенциал актуализации миротворческих инициатив, ее стратегия в целом отвечает запросам современной мировой политической системы, позволяя государству действовать в качестве «ответственного лидера».

Библиография

1. Глухова А.В. Политические конфликты в глобальную эпоху (к проблеме теоретической идентификации) // Политическая наука. 2020. № 3. С. 13-33.
2. Глухова А.В. Современный глобальный конфликт: «холодная война» или «мир без мира»? // Региональные стратегии международной безопасности: Россия, ЕС и Ближний Восток: сборник трудов научной конференции. Воронеж, 2019. С. 15-29.
3. Гущин А.В., Маркедонов С.М. Приднестровье: дилеммы мирного урегулирования // Российский совет по международным делам. 2016. URL: https://russiancouncil.ru/upload/Transnistria_policybrief1.pdf.
4. Дробот Г.А. Куинси Райт о конфликтах и стабильности в международных отношениях // Социально-политические науки. 1991. № 7. С. 84-97.
5. Заявление о мерах по политическому урегулированию Грузино-Абхазского конфликта от 4 апреля 1994 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901778484>.
6. Заявление Президента Азербайджанской Республики, премьер-министра Республики Армения и Президента

- Российской Федерации от 10 ноября 2020 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64384>.
7. Коваленко Л.Г. Проблема конфликтов и их урегулирования, место России в этом процессе // *Дневник Алтайской школы политических исследований*. 2011. № 27. С. 52-55.
 8. Комлева Н.А. Украина в большой геополитической игре // *Вестник МГОУ*. 2014. № 1. С. 3-15.
 9. Кременюк В. Современный международный конфликт: проблемы управления // *Международные процессы: сетевой журнал*. 2003. № 1. URL: <http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/681/Kremenyuk-01.pdf>.
 10. Лавров А., Болтенков Д. Словесный огонь: к чему приведет уход миротворцев из Приднестровья // *Известия*. 2020. URL: <https://iz.ru/1096031/anton-lavrov-dmitrii-boltenkov/slovesnyi-ogon-k-chemu-privedet-ukhod-mirotvortcev-iz-pridnestrovia>.
 11. Манойло А.В. «Русская весна» vs «Арабской весны»: роль России в урегулировании сирийского кризиса // *Право и политика*. 2016. № 1. С. 83-96.
 12. Мансуров Т.З. Конфликтология международных отношений. Конспект лекций. Казань, 2014. 126 с.
 13. Меморандум о мерах по обеспечению безопасности и укреплению взаимного доверия между сторонами в грузино-осетинском конфликте от 16 мая 1996 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902534>.
 14. Московское соглашение о прекращении огня и разъединении сил от 14 мая 1994 г. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/GE_940514_AgreementCeasefireSeparationOfForces%28ru%29.pdf.
 15. Нагорный Карабах добрался до Санкт-Петербурга // *Коммерсантъ*. 2016. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3018103>.
 16. Полный текст и видео выступления Владимира Путина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 28 сентября 2015 г. URL: <https://russian.rt.com/article/119712>.
 17. Еремина Н.В., Каледин Н.В., Кузьмина Е.М. Роль России и ЕС в конфликтах и кризисах на постсоветском пространстве: конкуренты или союзники? М.: Знание-М, 2021. 180 с.
 18. Скриба А.С., Алтухов А.О. Влияние геополитических противоречий между Россией и ЕС на участие постсоветских стран в региональной экономической интеграции // *Контуры глобальных трансформаций*. 2019. № 2. С. 51-70.
 19. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>.
 20. Четырехстороннее соглашение о добровольном возвращении беженцев и перемещенных лиц от 4 апреля 1994 г. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/GE_940404_QuadripartiteAgreementVoluntaryReturnRefugees%28ru%29.pdf.
 21. Шишков В.В. Политика России на постсоветском пространстве. Россия и новые государства Евразии. 2015. № 1. С. 38-49.
 22. Штоль В.В. Возможности «мягкой силы» России в интеграционном процессе на постсоветском пространстве // *Вестник экономики, права и социологии*. 2018. № 1. С. 40-45.
 23. Abkhazia: Ways Forward II // *Europe Report* № 179. 18 January 2007. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/27631/179_abkhazia_ways_forward.pdf.
 24. Abushov K. Russian foreign policy towards the Nagorno-Karabakh conflict: prudent geopolitics, incapacity or identity? // *East European Politics*. 2018. Vol. 35. No. 1. P. 72-92.
 25. Rapoport A. Conflict in man-made environment. Baltimore: Penguin Books, 1974. 272 p.
 26. Rawashdeh M., Al-Majali A. The phenomenon of International Conflict in International Relations // *The International Journal of Social Sciences and Humanities Invention*. 2017. Vol. 4. No. 5. P. 3488-3502.
 27. Waal T. Unfinished Business in the Armenia-Azerbaijan Conflict // *Carnegie Europe*. 2021. URL: <https://carnegieeurope.eu/2021/02/11/unfinished-business-in-armenia-azerbaijan-conflict-pub-83844>.

Russia's position on the peaceful resolution of international crises and conflicts from 1993 to the present

Sofi Tat'yana Ngoie

Master of International Relations,
Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sophie.ngoye.sn@gmail.com

Yao Eben-Ezer Biaki

Master of International Relations,
Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sophie.ngoye.sn@gmail.com

Abstract

The article focuses on Russia's approaches to diplomacy and peacekeeping in its theoretical and practical understanding. An overview of Russia's aspirations for the peaceful settlement of a number of international and regional conflicts from 1993 to the present is presented. The dynamics of changes in Russia's foreign policy in relation to peaceful initiatives to resolve conflict situations between interested actors is considered. An assessment of Russia's active participation in the events of peaceful and diplomatic mediation in conflict resolution is given. The authors conclude about the influence of Russian approaches on peacekeeping in general and on external participation in operations to maintain peace and security. It is noted that modern threats to international security actualize the need of the international community to develop non-military methods of conflict resolution, which is associated with the growing need for the development of peaceful tools for resolving disputes, including the practice of using these tools to end hostilities. As the events of recent years show, modern Russia has its own potential for updating peacekeeping initiatives, its strategy as a whole meets the needs of the modern world political system, allowing the state to act as a "responsible leader".

For citation

Ngoie S.T., Biaki Ya.E.-E. (2022) Pozitsiya Rossii po mirnomu razresheniyu mezhdunarodnykh krizisov i konfliktov s 1993 goda po nastoyashchee vremya [Russia's position on the peaceful resolution of international crises and conflicts from 1993 to the present]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (1A), pp. 209-219. DOI: 10.34670/AR.2022.83.63.023

Keywords

Russia, international conflict, post-Soviet space, regional priorities, peacekeeping, peaceful settlement, diplomacy, "regional broker", frozen conflict, foreign policy.

References

1. Drobot G.A. (1991) Kuinsi Rait o konfliktakh i stabil'nosti v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Quincy Wright on conflicts and stability in international relations]. *Sotsial'no-politicheskie nauki* [Socio-political sciences], 7, pp. 84-97.
2. Eremina N.V., Kaledin N.V., Kuz'mina E.M. (2021) *Rol' Rossii i ES v konfliktakh i krizisakh na postsovetском prostranstve: konkurenty ili soyuzniki?* [The role of Russia and the EU in conflicts and crises in the post-Soviet space: competitors or allies?]. Moscow: Znanie-M Publ.
3. Glukhova A.V. (2019) Sovremennyyi global'nyi konflikt: «kholodnaya voyna» ili "mir bez mira"? [Modern global conflict: "cold war" or "world without peace"?]. In: *Regional'nye strategii mezhdunarodnoi bezopasnosti: Rossiya, ES i Blizhnii Vostok: sbornik trudov nauchnoi konferentsii* [Proc. Conf. "Regional Strategies for International Security: Russia, the EU and the Middle East"]. Voronezh, pp. 15-29.
4. Glukhova A.V. (2020) Politicheskie konflikty v global'nyu epokhu (k probleme teoreticheskoi identifikatsii) [Political conflicts in the global era (on the problem of theoretical identification)]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 3, pp. 13-33.
5. Gushchin A.V., Markedonov S.M. (2016) Pridnestrov'e: dilemmy mirnogo uregulirovaniya [Transnistria: dilemmas of a peaceful settlement]. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam* [Russian International Affairs Council].. Available at: https://russiancouncil.ru/upload/Transnistria_policybrief1.pdf [Accessed 17/12/2021].

6. Komleva N.A. (2014) Ukraina v bol'shoi geopoliticheskoi igre [Ukraine in the big geopolitical game]. *Vestnik MGOU* [Bulletin of Moscow State Regional University], 1. pp. 3-15.
7. Kovalenko L.G. (2011) Problema konfliktov i ikh uregulirovaniya, mesto Rossii v etom protsesse [The problem of conflicts and their settlement, Russia's place in this process]. *Dnevnik Altaiskoi shkoly politicheskikh issledovanii* [Diary of the Altai School of Political Studies], 27, pp. 52-55.
8. Kremenyuk V. (2003) Sovremennyyi mezhdunarodnyi konflikt: problemy upravleniya [Modern international conflict: problems of management]. *Mezhdunarodnye protsessy: setevoi zhurnal* [International processes: online journal], 1. Available at: <http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/681/Kremenyuk-01.pdf> [Accessed 11/12/2021].
9. Lavrov A., Boltenkov D. (2020) Slovesnyi ogon': k chemu privedet ukhod mirotvortsev iz Pridnestrov'ya [Verbal fire: what will the departure of peacekeepers from Pridnestrovie lead to]. *Izvestiya*. Available at: <https://iz.ru/1096031/anton-lavrov-dmitrii-boltenkov/slovesnyi-ogon-k-chemu-privedet-ukhod-mirotvortsev-iz-pridnestrovia> [Accessed 17/12/2021].
10. Manoilo A.V. (2016) «Russkaya vesna» vs «Arabskoi vesny»: rol' Rossii v uregulirovanii siriiskogo krizisa ["Russian Spring" vs "Arab Spring": Russia's role in settling the Syrian crisis]. *Pravo i politika* [Law and Politics], 1, pp. 83-96.
11. Mansurov T.Z. (2014) *Konfliktologiya mezhdunarodnykh otnoshenii. Konspekt lektsii* [Conflictology of international relations. Lecture notes]. Kazan'.
12. *Memorandum o merakh po obespecheniyu bezopasnosti i ukrepleniyu vzaimnogo doveriya mezhduraznami v gruzino-osetinskoy konfliktke ot 16 maya 1996 g.* [Memorandum on Measures to Ensure Security and Strengthen Mutual Confidence between the Parties to the Georgian-Ossetian Conflict dated May 16, 1996]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1902534> [Accessed 19/12/2021].
13. *Moskovskoe soglasenie o prekrashchenii ognya i raz"edinenii sil ot 14 maya 1994 g.* [Moscow Agreement on Ceasefire and Separation of Forces, May 14, 1994] Available at: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/GE_940514_AgreementCeasefireSeparationOfForces%28ru%29.pdf [Accessed 15/12/2021].
14. Nagornyyi Karabakh dobralsya do Sankt-Peterburga [Nagorno-Karabakh reached St. Petersburg] (2016). *Kommersant*". Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3018103> [Accessed 17/12/2021].
15. *Polnyi tekst i video vystupleniya Vladimira Putina na 70-i sessii General'noi Assamblei OON ot 28 sentyabrya 2015 g.* [Full text and video of Vladimir Putin's speech at the 70th session of the UN General Assembly on September 28, 2015]. Available at: <https://russian.rt.com/article/119712> [Accessed 09/12/2021].
16. Skriba A.S., Altukhov A.O. (2019) Vliyaniye geopoliticheskikh protivorechii mezhduraznami i ES na uchastie postsovetskikh stran v regional'noi ekonomicheskoy integratsii [Influence of geopolitical contradictions between Russia and the EU on the participation of post-Soviet countries in regional economic integration]. *Kontury global'nykh transformatsii* [Contours of global transformations], 2, pp. 51-70.
17. *Zayavlenie o merakh po politicheskomu uregulirovaniyu Gruzino-Abkhazskogo konflikta ot 4 aprelya 1994 g.* [Statement on measures for the political settlement of the Georgian-Abkhazian conflict of April 4, 1994]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/901778484> [Accessed 23/12/2021].
18. *Zayavlenie Prezidenta Azerbaidzhanskoy Respubliki, prem'er-ministra Respubliki Armeniya i Prezidenta Rossiiskoy Federatsii ot 10 noyabrya 2020 g.* [Statement of the President of the Republic of Azerbaijan, the Prime Minister of the Republic of Armenia and the President of the Russian Federation of November 10, 2020]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/64384> [Accessed 17/12/2021].
19. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>.
20. Quadripartite Agreement on the Voluntary Return of Refugees and Displaced Persons, April 4, 1994. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/GE_940404_QuadripartiteAgreementVoluntaryReturnRefugees%28ru%29.pdf.
21. Shishkov V.V. Russian policy in the post-Soviet space. Russia and the new states of Eurasia. 2015. No. 1. S. 38-49.
22. Shtol V.V. Possibilities of Russia's "soft power" in the integration process in the post-Soviet space // *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2018. No. 1. P. 40-45.
23. Abkhazia: Ways Forward II // *Europe Report № 179*. 18 January 2007. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/27631/179_abkhazia_ways_forward.pdf.
24. Abushov K. Russian foreign policy towards the Nagorno-Karabakh conflict: prudent geopolitics, incapacity or identity? // *East European Politics*. 2018. Vol. 35. No. 1. P. 72-92.
25. Rapoport A. *Conflict in man-made environment*. Baltimore: Penguin Books, 1974. 272 p.
26. Rawashdeh M., Al-Majali A. The phenomenon of International Conflict in International Relations // *The International Journal of Social Sciences and Humanities Invention*. 2017. Vol. 4. No. 5. P. 3488-3502.
27. Waal T. Unfinished Business in the Armenia-Azerbaijan Conflict // *Carnegie Europe*. 2021. URL: <https://carnegieeurope.eu/2021/02/11/unfinished-business-in-armenia-azerbaijan-conflict-pub-83844>.